

Алекс Мома

СОРОКИН КАК ГНОСТИК

Доклад на конференции «Касталии»
(Москва, 24 мая 2015 г.)

Надо сказать, что практически всё творчество – как минимум до 2005 года – ставшего ныне живым классиком русской литературы Владимира Сорокина содержит в себе где-то едва уловимые, а где-то вполне отчетливые гностические мотивы. Однако литературные критики восьмидесятых – начала нулевых годов в массе своей готовы были говорить о каких угодно мотивах в творчестве Сорокина, но только не о гностических. Вероятно, и сам Сорокин не очень обрадовался бы названию сегодняшнего доклада, учитывая, *например*, то обстоятельство, что он по сей день считает себя православным христианином. Однако, как сказал во время одного из своих концертов конца 70-х годов Владимир Высоцкий в ответ на вопрос, содержащийся в записке, переданной ему из зала, мол, правда ли, что в этой песне Вы имели в виду [...]: «Правда. Имел в виду, я, впрочем, в данном случае не это, но если Вы это там увидели, значит, там и это есть».

Если рассмотреть некоторые ранние, еще конца 70-х – начала 80-х годов, рассказы Сорокина из сборника «Первый субботник», то вы увидите эти гностические мотивы достаточно четко. Социальная реальность (не хочу говорить «советская реальность», потому что дело, по большому счету, не в этом) подана в них настолько карикатурно, а повествование, в то же время, настолько психологически достоверно до мельчайших деталей, что мысль о гностическом бэкграунде сюжетов напрашивается сама собой.

Рассказ «Заседание завкома», где собравшиеся с умными и важными лицами обсуждают актуальные и неотложные производственные вопросы, причем дискуссия кончается бессмысленным бормотанием фраз типа «прорубоно, прорубоно», в этом смысле показателен и говорит сам за себя. Мир, в котором живут и работают герои рассказа, не более осмыслен, чем это бормотание (кстати, такого рода «мантры» кочуют у автора из рассказа в рассказ и из романа в роман, и это, я думаю, отнюдь не случайно). Потом участники заседания совершают кучу бессмысленных и диких выходов, например, разглядывая высыпанных из футляра земляных червей и обсуждая их. Эта реальность и пуста, и самоубийственна по сути своей, но Сорокин, всю свою творческую жизнь обуреваемый страстью к буквализации метафоры, еще и заставляет одну из участниц этого заседания просто так, «на ровном месте» в конце рассказа совершить подлинное самоубийство, выстрелив в себя из пистолета на виду у всех.

Или другой рассказ, «Проездом», в котором районный партийный чиновник Георгий Иванович, захав на одно из предприятий, под аккомпанемент собственных благостных речей о хорошей в целом работе предприятий района за отчетный период, на глазах у изумленных коллег прямо в процессе общения с ними просто снимает штаны и мочится и гадит прямо на чертеж, лежащий на письменном столе. Вряд ли автор, таким образом, лишь пытается показать высокомерие и презрение одного начальника к окружающим его коллегам. Скорее, таким образом демонстрируется презрение человека, наделенного в мире сем определенной властью, а значит, и немалым пониманием механизмов функционирования этого мира, к самому этому миру, к наличному бытию вообще и всем его социальным нормам в частности.

Показателен и рассказ 1980 года «Утро снайпера», где снайпер-любитель, в сущности, простой обыватель, без каких-либо видимых мотивов отстреливает с чердака жилой многоэтажки многомиллионной Москвы случайных прохожих на улице. Список его жертв велик, но равнодушный мир не чувствует от этого никакой потери, да и сам снайпер ничего не потерял: он преспокойно спускается вниз, идет в магазин напротив и, выстояв небольшую очередь, покупает себе килограмм сосисок.

Или возьмем роман Сорокина «Норма» (1983 г.), где обязательное, и даже под страхом репрессий со стороны государства, ежедневное ритуальное поедание промышленным способом расфасованных брикетов дерьма – той самой «нормы» – заменяет людям мира сего смысл жизни, который они не нашли, потому что его вроде бы и нет, и где, к тому же, главы романа вообще сюжетно никак не связаны друг с другом, что демонстрирует трагическую разорванность, а не только бессмысленность простого бытия-в-мире. Можно, конечно, сказать, что это всего лишь экзистенциализм «позднесоветского разлива», но, простите, разве всякий экзистенциализм в основе своей не гностичен?

Или, например, длинная концовка «Романа», законченного писателем в 1989 году, описывающая жестокое, извращенное и кажущееся дико абсурдным разрушение скучноватого, но, в то же время, такого уютного и романтического быта сельских дворян среднего достатка и даже крестьян российской глубинки конца 19-го века, под которым легко угадывается жизнь в гуще и средоточии материи как таковой, а заодно и уничтожающая пресловутую «живую ткань русской литературы», столь любившую когда-то многословно и даже многотомно смаковать этот быт, а значит, и эту самую материю. Всё это вполне согласуется с идеей «реинтеграции в Плерому» тех, кто не по своей воле оказался вне ее. «Литература – это буквы на бумаге», - любил говорить в своих интервью писатель. Прочитав «Роман», невольно приходит на ум и продолжение этой теперь уже крылатой фразы: «... а описываемая ее земная жизнь – лишь пыль на ветру».

Было бы наивностью полагать, что в коротких ранних сорокинских рассказах осуществлена всего лишь эпатажная деконструкция пресловутого «социалистического реализма», в пору тотального засилья которого они и писались. Далеко не везде. Например, означенного соцреализма нет в рассказе «Прощание» с его благостным описанием природы и показательно-матерной, уничижительной концовкой этого описания. Там и отсылки к классической литературе не встретить (для этого рассказ, например, излишне короток), но наличествует, скорее, деконструкция самогО профанного бытия и его внешне убаюкивающих сознание натуральных декораций.

Или, например, если для раннего Сорокина типичной может быть безобразная оргия прямо во время партсобраний, то уже в большом романе «Голубое сало» (1998 г.) она не выглядит простым эпатажем, ибо там совокупаются друг с другом два архонта (т.е. начальника, в дословном переводе с древнегреческого) современных героям романа мира – «граф Н.С. Хрущев», любитель пытать людей «просто так», и И. Сталин (понятно кто), что будто перекликается с инцестуальными развлечениями небесных архонтов из важнейшего гностического трактата «Апокриф Иоанна», тоже, вроде бы, совершаемыми без всякой в них нужды, но на деле ведущими к созданию рабской реальности плотно-материального бытия с его «оковами судьбы» (что не следовало бы путать со смыслом гомосексуальной оргии в «Дне опричника», где в ней прослеживаются, пожалуй, совсем иные, «реммовские» аллюзии на времена становления Третьего Рейха).

Выше описанная параллель напрашивается еще и оттого, что «Голубое сало» в целом словно является описанием мира, появившегося в результате дикого смещения астрального «космоса архонтов» с миром хорошо знакомых нам из российской истории

архонтов земных – властителей дум в самых разных сферах земной жизни. Оттого многие из числа последних и выглядят куда менее привлекательно, чем они смотрелись в реальном мире их современников. Это будто бы мир архонтов, низведенный еще на один или даже несколько уровней ниже по сравнению с классической картиной объяснения мира у гностиков поздней античности.

Наконец, повесть «Настя» из сборника «Пир» (2000 г.), где гностические коннотации уже не спрятаны под спуд длинных и кажущихся нудными диалогов героев повествования, но с самого начала бросаются в глаза, поскольку речь в нем идет о сакральном умерщвлении плоти, но при этом в строго буквальном смысле слова: 16-летняя девушка Настя жарится в печи, после чего происходит акт причащения, некоей духовной трансформации окружающих, ставшей возможной благодаря принесению ею себя в жертву: собравшиеся гости поедают аппетитное Настино тело. Но это всё-таки еще двусмысленное пиршество – с его «приземленными» диалогами участников – является лишь частью открывшейся читателю панорамы. Ибо в конце текста присутствует извлеченная в буквальном смысле слова из дерьма одной из участниц этого банкета Жемчужина, которую во дворе дома подбирает и держит в клюве залетная сорока: тут, конечно же, прямо вспоминается «Гимн о Жемчужине» из гностических «Деяний апостола Фомы» (хотя формально этот апокриф и относят к числу «новозаветных»), с которыми автор, по всей видимости, был знаком.

Более того, если в «Романе» лишь его главный герой, молодой помещик Роман Александрович, жаждет прекращения бессмысленного материального бытия всех окружающих, а потом и себя самого, а все остальные погружаются в никоим образом не верифицируемый романом загробный мир сугубо насильственным, причем извращенно-насильственным образом, то в «Насте» это происходит с полного согласия, хотя и не без некоторых внутренних колебаний «жертвы».

С одной стороны, еще в 2001 году Сорокин говорил, что подчеркнутый натурализм его произведений является желанием восполнить острейшую недостачу телесного как такового в русской литературе, где духа и пресловутой духовности всегда выше крыши, а вот с телом и его отправлениями как-то не сложилось, и даже цитирует французского поэта начала прошлого века Арто, как-то сказавшего: «где пахнет гавном, там пахнет жизнью». Но ведь картина, чаще всего, в результате получается эстетически не привлекательная и не в пользу телесного вообще и гавна в частности. Что и наводит на некоторые мысли...

Особо пикантный момент сорокинского гностицизма – едкая ирония по поводу ортодоксально-христианской доктрины, а именно идеей непорочного зачатия, Рождества (в прямом смысле этого слова) и т.п., то есть ирония по отношению к идеям, которые со времен Маркиона Синопского напрямую отрицаются гностическим христианством и которые ныне в различных религиозных деноминациях и вправду могут принимать самопародийные формы:

«Процесс запхания Христа в Богородицу зависит, как правило, от расположенности различных заводских частей и агрегатов, а также от готовности начальства к данному процессу. Начинать запхание рекомендуется с вычленения полуавтоматической линии, необходимой для первичной механической обработки влагалища Богородицы. Вычленение должно производиться в соответствии с внутривзаводским планом и под пристальным контролем архангела Михаила. После вычленения коллектив завода обязан провести общезаводское партийное собрание, на котором все 218 патриархов должны отчитаться перед собравшимися рабочими, а 16 великомучеников в свою очередь обязаны обеспечить достаточное количество слюны, необходимой для смазки экуменических

подшипников пасхального блюминга. Сразу после закрытия собрания ангелы шлифовального цеха обязаны произвести комсомольское обрезание 8 великомучеников, предварительно унавозив Алтарь Победителей. По окончании обрезания апостол Петр обязан пустить оба конвейера. Работа православных и рабочих на конвейерах должна осуществляться при жестком контроле архангела Михаила. После изготовления ГПЗ (Главного Поршня Запхания) необходимо немедленно приступить к его шлифованию, которое должно производиться в темноте, при свечах и сопровождаться церковной службой, совершаемой по Октоиху и Минее. Отшлифованный поршень полируется в том же цехе в соответствии с нормами Госстандарта Московской Патриархии» (Цит. по тексту пьесы «Землянка», 1985 г.). Кстати, надо ли говорить, что постановка этой пьесы во времена нынешнего российского мракобесия и тотального клерикализма невозможна?

И вот, в 2002 году, в самый разгар открытой травли, устроенной прокремлевской шпаной из «Идущих вместе» и направленной в том числе и против него как писателя-постмодерниста, посягающего на «духовные скрепы», Сорокин как будто решает поставить жирную точку в висящем в воздухе вопросе о том, сколь укоренен гностицизм в тех идеях, которые он пытается донести до своих читателей. Он пишет роман «Лёд» - роман, где уже не приходится говорить лишь о коннотациях, ибо он весь кричаще гностический, от начала до конца. Причем сам он не называет свой роман гностическим, поясняя в интервью «Московскому Комсомольцу» (номер за 21 июля 2002 года): «...Можно сказать, что “Лёд” – это реакция на разочарование в современном интеллектуализме. Цивилизация разрушает. Люди как-то теряют себя. Ощущается тоска по первичному, по непосредственному. Мы живем в паутине опосредованности. Очень немногие сегодня способны говорить сердцем. Это и есть тоска по утраченному раю. А рай — это непосредственность».

Однако позже, в 2004 году, писатель решает разбавить этот свой «крик» более спокойным, или, как выразился живущий в Ирландии критик Григорий Бондаренко, «политкорректным гностицизмом», без мата, уличных проституток, мастурбаций и так далее, написав приквелл ко «Льду» и озаглавив его «Пути Бро». Таким образом, читатель, который пьет весьма терпкое литературное вино из гностической сорокинской чаши, получил возможность (если, конечно, он еще не успел до этого прочитать «Лёд»), пить это вино в строгом соответствии с заповедью врача-нарколога, то есть, не снижая градуса.

Оба романа имели грандиозный успех. Они читались настолько на одном дыхании, что публика даже закрывала глаза на некоторые явные фактические нестыковки в их текстах. Например, лишь один читатель из десятков тысяч заметил ошибку в самом начале «Пути Бро», о чем и сообщил автору романа. Вот как она выглядит (курсив мой):

«Я родился в 1908 году на юге Харьковской губернии в имении моего отца Дмитрия Ивановича Снегирева. Отец к тому времени состоялся как крупнейший российский сахарозаводчик и владел двумя имениями – в Васкелово, под Санкт-Петербургом, где я родился, и в Басанцах, на Украине, где мне суждено было провести свое детство».

Несмотря на немалый читательский успех, Сорокин явно не чувствовал себя удовлетворенным: во всех своих интервью, данных по поводу выхода романов, он как будто что-то не договаривал, например, уверяя интервьюера в том, что жесткость описания действий героев романа, адептов Гнозиса, не должна шокировать, поскольку «в любой религии присутствует концепция жесткой селекции». Идея, заключающаяся в том, что сколь угодно высокая (даже гностическая) цель вовсе не оправдывает средства, применяемые для ее достижения, подспудно заложенная в «Пути Бро» и во «Льде», должна была получить свое четкое и уже предельно ясное представление.

И она его получила. В 2005 году вышел финальный роман цикла – «23000». Гностическая трилогия («Путь Бро», «Лёд» и «23000»), таким образом, была полностью завершена. Во всех смыслах. «Путь Бро» описывал события, происходившие в течение почти всего 20-го века, а «Лёд» (за исключением последних глав, не считая Приложений) и «23000» - в его девяностые годы и в начале нулевых годов века нынешнего.

Идея Трилогии, если описать ее, для начала, предельно кратко, состоит в следующем. Огромных размеров Тунгусский метеорит, упавший в Восточной Сибири в июне 1908 года, как выяснили герои повествования, состоял из особого, не встречающегося в земных условиях льда, и был послан человечеству не бездушным «космическим пространством», но одухотворенным *Космосом* (стоит отметить, что исследования химического состава метеорита продолжались «в реале» даже в 70-е годы 20 века, и он по сей день до конца не выяснен). При ударе этого льда в грудь человека можно выяснить подлинную природу этого конкретного человека – он или умрет или «заговорит сердцем».

Гностические школы учили о тройственной природе земного человечества: есть люди духовные, которым суждено посмертно реинтегрироваться в Плерому, есть люди душевные, у которых есть на это шанс, если они в течение этой жизни, чаще всего поэтапно, станут духовными, и есть люди плотские, у которых нет никаких шансов и которые, говоря экзотерически, обречены на «погибель» (хотя, учитывая, что большинство гностиков верило в реинкарнацию, речь, по всей видимости, идет не о некоей бесповоротной «марксистско-ленинской» смерти в диалектическом материализме или «вечных адских муках» в христианской ортодоксии, но об этой самой реинкарнации в материальном мире, что равносильно погибели, поскольку материальный мир для гностика и есть мир «смерти»).

Живущие среди нас обыкновенные люди, но при этом поборники всяческого прогресса, согласно тексту Трилогии, в 1927 году, то есть через 19 лет после Тунгусской катастрофы, снарядили экспедицию с целью изучения метеорита или его обломков (первая экспедиция, 1921 года, вернулась из Сибири ни с чем). Один из ее юных участников получил неподалеку от этого метеорита (который, кстати, они так и не обнаружили) прямое и невербальное Откровение. Он осознал свою подлинную природу (причем остальные члены экспедиции этого Откровения не получили и решили, что их коллега, переставший разговаривать с ними, банально свихнулся); затем он в одиночку вернулся к месту падения метеорита и нашел его – метеорит оказался ледяным.

«И он понял все. Он отколол кусок льда, засунул в рюкзак и пошел к людям. Лед был тяжелый, идти было тяжело. Лед таял. Когда он дошел до ближайшей деревни, ото льда остался небольшой кусок, помещающийся в ладони. Подходя к деревне, он увидел девушку, спящую в траве. Она была русоволоса, голубые глаза ее были полуприкрыты. Он поднял с земли палку, шнурком прикрутил к ней кусок льда и со всей силы ударил ледяным молотом девушку в грудь. Девушка вскрикнула и потеряла сознание. Он лег возле нее и заснул. Когда он проснулся, она сидела рядом и смотрела на него как на брата. Они обнялись. И сердца их заговорили друг с другом. И они поняли все. И пошли искать себе подобных», - сказано об этой истории в заключительной части романа «Лёд».

Согласно вербализованной версии откровения, полученного Снегиревым-младшим, ставшим Братом Бро, просветленным не следует ждать физической смерти и тем более естественного эволюционного окончания бытия материального мира для того, чтобы вознестись в Плерому. Но в одиночку им туда не попасть, поскольку суть божественного замысла заключается в том, что для уничтожения этого падшего мира, созданного – и в

этом некоторое отличие от классического гностицизма – не низшими (безоценочно «низшими», речь идет просто о месте в небесной иерархии) божествами, но Лучами Высшего Божества, ныне ставшими в созданном им мире обычными людьми, а также вознесения просветленных, эти духовно продвинутые люди должны найти друг друга, вызволить друг друга из плена материи, и вознестись им следует уже всем вместе, совершив некий коллективный ритуал, произнеся заветные 23 слова.

Сорокин никак не объясняет появление именно 23 Лучей и Слов в своем тексте, однако эта цифра, скорее всего, не случайна: астрологи считают число 23 несущим успех и удачу, защиту и помощь высших сил. Но если всё же попытаться эзотерическим образом разложить ее, то получается, что 24 – это *удвоенная додекада* (то есть 12×2) додекады гностика Валентина, т.е. 12 эонов Плеромы плюс 12 их проявленных отражений, причем высшая, Небесная додекада, неполна (вспомним падение Софии в гностицизме), а низшая, земная, полна, и, таким образом, в ней есть все 12 континуумов, а не 11, как отныне в небесной, которая, в свою очередь, вновь станет Додекадой тогда, когда восстановится Божественная Полнота (=Плерома). Каждому из 23 слов Формулы Света в Трилогии соответствует 1000 просветленных людей. Итак, всего таких спасенных, согласно этому мифическому Откровению, должно быть 23.000 человек – людей самых разных возрастов, убеждений, национальностей, профессий и т.п., но бывших когда-то, в домировую эру, 23 тысячами Лучей Творящего Божества. Вознесшись, они должны были сотворить новую, гармоничную вселенную для самих себя.

Загвоздка в том, что огромное большинство из этих 23.000 потенциальных просветленных – как опытным путем выяснили сами адепты, обязательно голубоглазых и русоволосых – сами не знают о том, что они уже «готовы». Не знают о том, кто именно входит в число будущих 23.000 счастливых и первоначальные адепты идеи освобождения от уз материи. Собрать нужное число людей, предварительно узнав в них «своих», можно лишь при помощи молотов с убойной частью в виде льда Тунгусского метеорита. Постепенно совершенствуя методику, которая делает реальным поиск 23.000 человек, при необходимости, даже по всему земному шару, то есть из громадного количества людей, которых сейчас на Земле уже более 5 миллиардов, адепты отлавливают или обманом завлекают в ловушки кандидатов в «свои», обездвигивают их, после чего со всей дури лупят их ледяным молотом в грудь. Если человек умирает в результате такого насилия – значит, он плотский, чужой, его сердце не пробудилось в ответ на Высший Зов, ну, тогда его и не жалко, туда ему, дескать, и дорога. Если испытуемый выживает, то он получает полноценную медицинскую и психологическую помощь и в результате этого удара в область сердца ВСПОМИНАЕТ о том, кто он на самом деле. И тогда он вливается в пока еще неполные ряды тысяч адептов и помогает им отыскивать оставшихся в бытовой неволе Гистермы собратьев.

Добычей тунгусского льда и его транспортировкой «на материк» в промышленных масштабах, равно как и поддержанием его товарного, не растаявшего, вида, в сталинские годы, начиная с конца 30-х годов, занимается – это хотелось бы особо подчеркнуть – одно из специально созданных подразделений советского ГУЛАГа (после войны, например, все четверо выживших в СССР адептов являлись в миру офицерами МГБ), причем всё это делалось при помощи ничего не подозревавших партийных и государственных чиновников, занимающих высокие посты в чуждом самим адептам по духу государстве. В более свободных, чем СССР, странах, включая даже Германскую империю периода 1933-45 гг., адептов во время и после Второй мировой войны было несоизмеримо больше.

«Самый активный поиск ведется в скандинавских странах. В Швеции в трех Домах живут сто девятнадцать братьев. В Норвегии – около пятидесяти. В Финляндии – почти

семьдесят. До войны в Германии насчитывалось сорок четыре наших. Некоторые из них занимали ответственные посты в НКВД и СС. К сожалению, в России все было сложнее. Четверо братьев, сотрудников НКВД, погибли в конце тридцатых во время «большой чистки». Одна сестра из московского горкома партии была арестована и казнена по доносу. Двое других погибли в ленинградской блокаде, я не сумел помочь им. И еще один, мой ближайший брат Умэ, обретенный в 1934 году, генерал-полковник танковых войск, погиб на фронте. Слава Свету, это не отразилось на доставке льда. Но искать новых братьев нам очень трудно», - пишет Сорокин устами своего героя.

Таким образом, этот процесс поиска «своих», ввиду начавшегося массового террора 30-х годов, затем Второй мировой войны, закрытости от внешнего мира СССР, где находился лёд Тунгусского метеорита, а также ввиду прочих мировых катаклизмов 20 века, сильно затягивается. Временами кажется, что до искомым 23.000 остается всего несколько лет кропотливых и безжалостных ледяных «простукиваний», но обстоятельства оборачиваются против тех или иных адептов, и часто всё приходится начинать почти сначала, а заветная цифра в 23.000 подлежащих вознесению, которая, кажется, уже близка, вновь серьезно уменьшается.

Однако в самом главном адептам Гнозиса современного извода всё же неизменно везет – в сохранении режима секретности их задумки в целом (чему не помешало даже то, что одна из Сестер во время допросов на Лубянке летом 1953 года говорила о Братстве чистую правду – просто ей, разумеется, не поверили палачи-следователи, всюду искавшие лишь «японско-австралийских шпионов»). То есть им повезло в том, что они смогли сохранить *эзотеризм* идеи, в самом прямом смысле слова. А значит, и ее принципиальную осуществимость в условиях враждебного миропорядка.

Добыча льда, изготовление ледяных молотов и «простукивание» кандидатов в просветленные продолжается и в позднесоветскую, и в постсоветскую эпоху, но тогда дело пошло веселее, потому что теперь, в силу открытых границ и России, и окончательно глобализовавшегося мира, «простукивание» существенно упростилось: «ледовая» коммуникация между странами и континентами теперь не вопрос наличия сложно налаживаемого надежного блата в Советском Союзе, названном в романе «страной льда», но лишь вопрос наличия свободного времени и толщины кошелька.

Но вот, наконец, уже в «наши дни», точнее, в нулевые годы 21-го века, цель достигнута. Путем невероятных усилий нескольких поколений адептов, старшие из которых в буквальном смысле слова принесли себя и свое плероматическое будущее в жертву Идее, число 23.000 опознанных избранников достигнуто. Они все, до последнего человека из этого числа, собираются вместе, чтобы провести Ритуал уничтожения мира, возникшего в результате ошибки низших божеств, и вознестись в Плерому, к подлинному Божеству, но, в то же время, окончательно и бесповоротно отказав не продвинутым и не просветленным людям в праве на реинкарнацию в материи, чтобы попробовать добиться того, чего они не смогли добиться в данном воплощении.

Однако в самой последней главе «23.000» резко и неожиданно выясняется, что адепты потерпели полное фиаско. Цель ритуала и всей громадной, почти 80-летней работы, предшествовавшей ему, не достигнута. Почти все 23.000 адептов погибают, а мир и, очевидным образом, населяющее его остальное человечество, как ни в чем ни бывало, продолжают жить и радоваться жизни, даже ничего не заметив, потому что, оказывается, «всё это создано Богом, и весь этот мир, и ты, и я» (что, как ни парадоксально, не противоречит изложенному еще в «Пути Бро» Откровению, где именно 23.000 *Божественных Луча* и создали ВСЁ).

Таким образом, адепты поплатились за то, что почем зря угробили столько людей, простукивая их ледяными молотками. Именно потому адепты и гибнут, что в подлинной, а не черной магии, всегда, в конечном счете, оборачивающейся против собственных операторов, цель не может оправдывать средства.

Некоторые критики, анализируя эту, последнюю главу «23000», полагали, что ею Сорокин разом перечеркнул всю гностическую доктрину своей Трилогии, встав на сторону антигностической ортодоксии, или же пантеизма, или даже строгого монотеизма. Я полагаю, что это всё же не так. Автор лишь подчеркнул этой главой два обстоятельства.

Первое – то, что гностическая доктрина оказалась преизрядно искажена адептами ледяных молотов. В оригинальных гностических текстах нигде не сказано, что следует прибегать к насилию и вольным или невольным убийствам для того, чтобы привести немногих оставшихся к просветлению и освобождению от материального мира (не говоря уже о том, что в реальности само это просветление невозможно обнаружить при помощи какого-то кузнечного орудия, то есть как сугубо материальными, так и примитивно-магическими средствами). Непросветленные могут достичь Гнозиса в результате, в том числе, успешной миссионерской деятельности самих адептов, так зачем же тогда убивать непросветленных? Ведь т.н. «гностицизм» - это и есть подлинное, сокровенное христианство, со всеми его заповедями, включая заповедь «не убий».

Второе – в гностических текстах, которыми мы располагаем, в особенности после обнаружения Библиотеки Наг-Хаммади в 1945 году, говорится о том, что, парадоксальным образом, без воли, точнее, соизволения Всевышнего Бога даже наше, «падшее» человечество не было бы создано и поселено в не предназначенном изначально для рода Адамова плотном мире, так как архонты, при всей их развращенности, не смогли бы действовать, не опираясь на высшие по отношению к ним божественные энергии (см., например, тот же «Апокриф Иоанна»). В гностицизме, разумеется, присутствует космо-антропологический дуализм, но он не доведен до крайности и до того неправдоподобного абсурда, до которого довели его «адепты» - главные герои сорокинской Трилогии. Таким образом, это произведение писателя, скорее, бьет по гностическому экстремизму, нежели по самому гностицизму в его подлинном смысле.

Мне представляется, что автор не собирался деконструировать своим романом гностицизм как таковой еще и по той причине, что описание духовного просветления в Трилогии, а равно и описание убогости наличного бытия и особенно его социально-политических реалий сделаны необычайно ярко и убедительно, а если говорить об описании духовных состояний, то еще и очень красиво. При всей огромной талантливости Сорокина как автора, в его более ранних произведениях невозможно, пожалуй, встретить столь пленительной красоты описания внутреннего состояния духовно просветленных людей, отчаявшихся в мире, но в то же время верящих в конечный успех своей высокой миссии. В Трилогии эти состояния отнюдь не высмеиваются и не профанируются. Напротив, по красоте и внутренней мощи эти описания, сделанные автором, сложно сравнить даже с эротическими сценами в начальных главах его же раннего, 1985 года, романа «Тридцатая любовь Марины», до тех пор бывшими сорокинским эталоном красоты и мощи повествования (в последних главах «...Марины», кстати, разрушение профанного бытия героини происходит посредством приобщения к своего рода советскому атеистическому лже-гнозису, словно сошедшему с мертвящих передовиц «Правды» и являющемуся полным антиподом Гнозиса нашей Трилогии).

Вот, например, как, можно сказать, восставали в Трилогии из пепла адепты Света, земные жизни которых продолжали протекать в аду лишений первых десятилетий советской действительности:

«Мы вцепились в руки друг друга. И из последних сил образовали круг. Малый Круг Света. Едва мы сделали это, сердца наши *вздрогнули*. И ожили.

Свет снова *заговорил* в них. С такой силой, что крики восторга вырвались из наших уст. Фер спасла нас! Ее не покинула Мудрость Света. Наша единственная сестра стала Великой Спасительницей Братства Света Изначального.

Мы подползли к ней, обняли, плача от восторга спасения. А она все еще сидела на подоконнике. Мы *любили* нашу единственную сестру. И она *любила* нас. Сжимая наши руки и прикладывая к своей груди, она смотрела на нас сверху. Слезы радости текли из ее глаз, капали на наши лица. Солнечный свет играл в слезах Фер.

Сердца наши *заговорили*. С новой силой.

Это продолжалось всю ночь.

Утром мы *знали*, что надо делать. Чужой мир по-прежнему окружал нас со всех сторон. Но по нему уже были проложены дороги и колеи. Сила сердца проложила эти дороги. Она словно раздвинула мир. И мы увидели в нем глубокие щели, которые ждали нас. Нам нужно было без страха и опасений двигаться по этим дорогам, заползая в щели мира, мимикрировать и делать наше великое дело.

Фер произнесла на языке людей:

– Свет всегда пребудет с нами. Он *научит* нас. И мы сделаем все, что необходимо.

Больше мы *никогда* не доверялись только своему разуму. Любой замысел, любое начинание, любое дело каждый из нас сверял прежде всего со своим сердцем. Сила сердца подсказывала *путь*. Разум обеспечивал *движение* по этому пути. Сила сердца подталкивала разум, стояла за его спиной. И он двигался, преодолевая мир, забирая от него все нужное и отшвыривая лишнее, мешающее. Ложные страхи, неуверенность в будущем, опасения за жизнь братьев – все отлетало прочь.

В этой залитой солнцем палате мы обрели *полную* свободу. Потому что *полностью и навсегда* доверились своим сердцам. И ведали их мощь.

Росло число сердечных слов, обретающих в наших сердцах. Язык сердца становился богаче от каждого разговора. Обнявшись, мы учились друг у друга. Сердца наши становились уверенней.

И сила сердца пребывала с нами».

(«Путь Бро»).

Замечу в скобках, что в Трилогии Малый Круг Света («Круг надежды») – это 23 собранных вместе адепта, Средний – 230, а Большой Круг – те самые 23.000. То есть это круги пифагорейских прогрессий – сначала 23 умножается на 10, а уже потом получившееся число – сразу на 100.

Таковы духовные состояния избранных. А что же «гилики», или сугубо плотские люди, по гностической классификации? Они в Трилогии названы «мясными машинами», и автор романа явно сочувствовал такому взгляду:

«Спустившись вниз, я вошла в столовую, где завтракали отдыхающие, и замерла в изумлении: вместо людей за столами сидели МЯСНЫЕ МАШИНЫ! Они были АБСОЛЮТНО мертвы! В их уродливых, мрачно-озабоченных телах не было ни капли жизни. Они поглощали пищу: кто мрачно-сосредоточенно, кто бодро-суетливо, кто механически-равнодушно.

За нашим столом сидела пара. Они ели живые фрукты: груши, черешню и персики.

Но эти чудесные персики не могли и на толику оживить их тела!

Зачем же они их ели? Это было так смешно!

Я расхохоталась.

Все прекратили есть и уставились на меня. Их лица повернулись ко мне. И впервые в жизни я не увидела человеческих лиц. Это были морды мясных машин».

Так описывает героиня романа «Лёд» свои впечатления от примитивного, «рассчитанного на растительное существование», «отдыха» в советском Крыму начала 50-х годов. И, чуть ниже, продолжает:

«Это не значит, что я ослепла. Я прекрасно различала вещи и ориентировалась в пространстве. Но любые изображения – картины, фотографии, кино, скульптуры – для меня исчезли навсегда. Картины стали для меня простыми холстами, покрытыми краской, на экране в кинотеатре я видела только игру световых пятен.

Сердцем я могла видеть человека или вещь изнутри, знать их историю.

Открытие это было равносильно пробуждению моего сердца под ударами ледяного молота.

Но если после тех ударов мое сердце просто ожило и стало чувствовать, то теперь оно умело ЗНАТЬ.

И я успокоилась.

Мне незачем было волноваться».

Интересно, что Сорокин, описывая умонастроение своих героев, при его «гностическом конструировании», по всей видимости, опирался не на «свидетельства» ересиологов о современных им гностических учениях (ведь «отцы церкви» уж точно гностиков терпеть не могли и потому так или иначе деконструировали суть их учений), а на testimonia аутентичных гностических текстов, о чем свидетельствует, например, то, что его герои вовсе не были всецело вымышленными этими ересиологами «гностическими либертинистами», но были как раз аскетами-асексуалами, подчинившими свои жизни Идее.

Вот, например, небольшой отрывок из «Льда», описывающий больничную сцену с участием двух просветленных, медсестры и новоиспеченного адепта, еще не вполне понявшего, что с ним произошло:

«Член Лапина стал напрягаться.

– Ресницы черные. И брови, – разглядывала она его. – Ты, наверно, любишь нежное.

– Нежное?

– Нежное. Любишь?

– Я... вообще-то... – сглотнул он.

– У тебя были женщины?

Он нервно усмехнулся:

– Девки. А у тебя были женщины?

– Нет. У меня были только мужчины, – ответила она спокойно, выпуская из рук его член. – Раньше. До того, как я *проснулась*.

– Раньше?

– Да. Раньше. Сейчас мне не нужны мужчины. Мне нужны братья.

– Это как? – Он подтянул к себе колени, загораживая свой напрягшийся член.

– Секс – это болезнь. Смертельная. И ей болеет все человечество. – Она убрала салфетку в карман халата.

– Да? Интересно... – усмехнулся Лапин. – А как же – нежность? Ты же про нее говорила?

– Понимаешь, Урал (новое, инициатическое имя Лапина – А.М.), есть нежность тела. Но это ничто по сравнению с нежностью сердца. Проснувшегося сердца. И ты это сейчас почувствуешь».

Еще один характерный отрывок оттуда же, вложенный в уста Сестры Храм:

«Для сотен миллионов мертвых людей любовь – это просто похоть, жажда обладания чужим телом. У них все сводится к одному: мужчина видит женщину, она нравится ему. Он совершенно не знает ее сердца, но ее лицо, фигура, походка, смех притягивают его. Он хочет видеть эту женщину, быть с ней, трогать ее. И начинается болезнь под названием «земная любовь»: мужчина добивается женщины, дарит ей подарки, ухаживает за ней, клянется в любви, обещая любить только ее одну. Она начинает испытывать к нему интерес, потом симпатию, потом ей кажется, что это тот самый человек, которого она ждала. Наконец они сближаются настолько, что готовы совершить так называемый «акт любви». Закрывшись в спальне, они раздеваются, ложатся в постель. Мужчина целует женщину, тискает ее грудь, наваливается на нее, вгоняет в нее свой уд, сопит, кричит. Она стонет сначала от боли, потом от похоти. Мужчина выпускает в лоно женщины свое семя. И они засыпают в поту, опустошенные и уставшие. Потом начинают жить вместе, заводят детей. Страсть постепенно покидает их. Они превращаются в машины: он зарабатывает деньги, она готовит и стирает. В этом состоянии они могут прожить до самой смерти. Или влюбиться в других. Они расстаются и вспоминают о прошлом с неприязнью. А новым избранникам или избранницам клянутся в верности. Заводят новую семью, рожают новых детей. И снова становятся машинами. И эта болезнь называется земной любовью. Для нас же это – величайшее зло. Потому что у нас, избранных, совсем другая любовь. Она огромна, как небо, и прекрасна, как Свет Изначальный. Она не основана на внешней симпатии. Она глубока и сильна».

Сорокин как гностик как будто бы полностью выговорился в этой трилогии, расставил все точки над «ё», которые до того не смог и не успел расставить. Не случайно более поздние его произведения, начиная с «Дня опричника» (2006 г.), - это уже как будто бы работа с чистого лица и с совсем иными мотивами; они уже не столько метафизичны, сколько подчеркнута социальны и злободневны. И это, как всегда, прекрасные романы и повести! А его последний роман, «Теллурия», вышедший в конце 2013 года – это еще и весьма неплохая художественная футурология.

И в то же время, зная огромный гностический потенциал автора, который в августе этого года отметит свой 60-летний юбилей, невозможно даже представить себе, что к теме Гнозиса и его искажения в современном мире он больше никогда не вернется.